

Бѣлорусскій нищенскій „Лазарь“.

Помѣщаемый ниже бѣлорусскій „Лазарь“ записанъ нами отъ хромца-„лирника“ Осипа Адамацкаго 52 л., крестьянина дер. Лодвины, Талядовичской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губ., перенявшаго, въ свою очередь, эту пѣсню отъ такого же нищаго слѣпца изъ дер. Васильчицы, Тимковской вол., у котораго въ дѣтствѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ поводыремъ.

Бѣлорусскіе „лирники“ составляютъ особый классъ профессиональных нищихъ—бродячихъ пѣвцовъ, распѣвающихъ подъ аккомпаниментъ своей „лиры“ обыкновенно духовно-религіозныя стихи. Въ большинствѣ случаевъ—это люди, отъ природы страдающіе какимъ-либо органическимъ недостаткомъ (слѣпота, хромота, различные дефекты рукъ и т. п.), который мѣшаетъ имъ быть полезными членами трудовой крестьянской семьи и принуждаетъ ихъ искать себѣ пропитаніе на другомъ поприщѣ. Калѣка-мальчикъ, особенно въ бѣдныхъ бѣлорусскихъ семействахъ, чаще всего, какъ лишній и обременительный ротъ въ хатѣ, отдается на выучку почтенному и опытному нищему пѣвцу въ качествѣ поводыря и помощника въ его странствованіяхъ съ неизмѣнною „лирою“. Изучивъ приблизительно года въ 2 — 3 всю эту несложную пѣвческую науку и, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, онъ пріобрѣтаетъ на скопленные гроши уже собственную „лиру“ и, обзаведаясь точно такъ же собственнымъ поводыремъ, начинаетъ свое самостоятельное путешествіе убогаго „лирника“ по роднымъ захолустьямъ.

„Лира“—это струнный средняго лада инструментъ, состоящій изъ деревяннаго продолговато-овальнаго корпуса, на подобіе скрипичнаго, пустого внутри, вдоль котораго на верхней декѣ натянута три кишечныя струны, закрѣпленныя въ одномъ концѣ, на широкое и короткое гриффѣ, колками; на первую струну (скрипичная квинта) сбоку, подъ давленіемъ пальцевъ, непосредственно уладають 4—5 деревянныхъ палочекъ-клавишей, которыя и регулируютъ измѣненіе звуковой ея гаммы, при чемъ остальные двѣ струны постоянно выдерживаютъ неизмѣнный унисонъ. Звукъ производится треніемъ гладкаго плоскаго колесика, установленнаго подлѣ кобылки и касающагося всѣхъ трехъ струнъ снизу при движеніи его желѣзной ручкой. Такимъ образомъ получается нѣкоторая своеобразная гармонія, меланхолически-монотонная и заунывная, придающая грубому и часто гнусавому голосу пѣвца какую-то особую торжественность религіознаго пѣснопѣнія.

Въ темномъ крестьянскомъ быту заброшенной Бѣлоруссіи пѣніе „лирниковъ“ приноситъ деревенскому населенію большое духовное и эстетическое наслажденіе, самое же ремесло этихъ пѣвцовъ

считается почетнымъ занятіемъ и всегда награждается со стороны неприхотливыхъ слушателей глубокимъ уваженіемъ къ его исполнителямъ и щедрыми подачами. Благодаря такому обстоятельству этотъ промыселъ пустилъ въ народѣ глубокіе корни, такъ что даже нѣкоторыя бѣлорусскія селенія съ давнихъ поръ занимаются специальнымъ изготовленіемъ нищенскихъ „лиръ“ (напр., с. Таладовичи, Слуцкаго уѣзда), а другія (какъ м. Лаховичи, того же у.) славятся еще особыми „лирниками“, прекрасными пѣвцами-исполнителями историческихъ и нравоучительно-бытовыхъ пѣсень (нѣкій „лирникъ“ Флѣригъ).

Приводимаго ниже бѣлорусскаго „Лазаря“ мы старались передать возможно точно фонетически, сохраняя въ неприкосновенности какъ типичныя черты собственно мѣстнаго чистаго произношенія, такъ и замѣтные слѣды постороннихъ историческихъ и церковно-вышнихъ вліяній (полонизмы, славянизмы и др.). Для большого успѣха нашей записи исполнитель „Лазаря“ долженъ былъ воспроизводить пѣсню „на разказъ“, при чемъ нерѣдко сбивался и принужденъ былъ неоднократно прибѣгать къ обычному пѣнію, чтобы возстановить въ памяти забытое и пропущенное въ ней мѣсто.

Настоящій „Лазарь“, очень любимый и столь популярный во всей Минской губерніи, начинается обыкновенно вступительными пѣснями о тайной вечери и предательствѣ Іуды („Царѣ Хрысьде“...), а также о крестныхъ страданіяхъ, смерти и погребеніи І. Христа („У слаўнамъ градзѣ“...), затѣмъ слѣдуетъ самый „Лазарь“, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ пѣсенныхъ частей,— „про багача“ и „про Лазаря“, а заканчивается чаще всего молитвеннымъ речитативомъ, въ которомъ „лирникъ“ обращается къ домохозяевамъ съ добрыми пожеланіями и съ просьбой о милостынѣ и который вообще ни у одного изъ нихъ не имѣетъ строго опредѣленныхъ словъ.

Царѣ Хрысьде, пана° миль,
Нашъ баранаъ (барашеъ) вазлатлівы!
Чацьвартовъ вѣчару быўшу,
Се жидомъ савіеъ сатварыўшу,
Стали жыдѡва° ублагать:
— Ягъ бы намъ Хрыста спаймаць?—
А Іюда-жихъ працѣча:
— Што мніе дасьцѣ — прадамъ Яго,
Бо я жесьць вучанъ Яго.—
— Да мы вѣле срѣбникаў дамб,
Тольки намъ прадай Яго.—
Прадаў Юда Хрыста за срѣбники,
И, ў доми ихъ ня° быўшы,
Сазнаў Хрыстось свае мбцы,

Што Юда жидомъ да памѡцы.
Хрыстось, хлїеба праламаўшы,
Ды вўчнн даваў,
Мачыўшы ў субль, Іюдыи даў,—
Што ёнъ Мяне адъ васъ прадаў.
Прышло ўрэмя, прышоў часъ,
Астайца° ся усіе віёрны — идў адъ васъ!

У слаўнамъ градъѣ Іерусалимѣ,
Тамъ Исусъ Назарански,
Се то били, слупавали
За мїръ храсьціански,
Се то били, слупавали
Бога нашаго,
Цярнѡвы вянѡць на главу слажыли,
А Прасьвятая жа Дзїева Марыя
Жъ жалю вамлявала:
— Ахъ сына° муѡй, сына°,
Божа пралюбезны,
На красьціе паміраешъ,
Цїело Сваѡ прасьвятот°
Самъ да грѡбу аддаешъ.—
Усіе сьвятны апастѡлы
Славу яму чынили,
Знялі цїело съ краста, — ў плащанїцу,
Ва грубнъ палажыли.
Жадна (ни одна) віера таго ня° дазнала,
Толькн надъ грѡбамъ камянь...
Слава Хрысту на ўсямў сьвїету
Ва віевн вя°коў. Аминь!

Ня адъзїнъ чалавїекъ багаты быў,
Каторы ў раскѡшн пываў н ядаў,
У дарагомъ садъзя°яннн заўжды пражадаў,
На Губспада Бога ёнъ ниць ня ўпаваў,
На сьвятны° царевн Божыи ня сздаваў,
Ницыхъ, калїекъ ёнъ ня падараў,
Брата свайго Лазара за брата не мїеў.
Прыходзьніць сьвнн Лазаръ да багача:
— Ой, браца° муѡй, браца°, силны, багаты,

Адна насъ матва съ taboo радзыла,
Да ня адну долю намъ давала:—
Табіе, браця°, Бубхъ даў сильне багацтво,
А мніе Бубхъ даў, браця°, калѣцтво, убуоство,
Ня прашу, браця°, срѣбра ни злота,
Столько прашу трубхъ рачѣй зя°мли,
Першай зя°мли—хлѣба и соли,
Альбо хѣця, браця°, зѣмнае вады.—
— А ни јестъ жа шъ ты мубѣй братъ,
Јестъ ты гнилѣ песъ,
Іесць у маѣмъ дварыѣ псы—то тваѣ браты,
А ты мяне братамъ ня° называй
Да ты мніе стѣду ня° задавай.—
Плюнуўшы силны багачъ до двѣру пашоў
Вяліецъ чѣлядзи брѣму замкнудъ,
Штопъ святѣго Лазара гласу ня° чуць.
Јаъ пашоў, пашоў святы Лазаръ ва гнаю ляжаць,
Ляжаў Лазаръ ва гнай, трыццаць тры гады,
Трыццаць тры гады, таъ акъ тры часы,
Ня было ў багатаго ни аднаѣ души,
Ни аднаѣ души—сей набуджнае,
Штопъ святому Лазару хлѣба й соли даць,
Тольки было ў багача два лютыя° псы,
Што багачъ казаў на Лазара—то тваѣ браты,
Заўжды яны ў багача падъ сталомъ жылі,
Друбныя крубшкі сей пазьбѣрывали,
Святому Лазару ва гнубѣй насили,
Святѣго Лазара сей васьпѣтывали,
Смартѣльныя раны зализывали,
Палягчѣння души й цѣла яму давали.
Јаъ пачаў силны багачъ тѣя° узнаваць,
Вяліѣ сабаки на ланцѣхъ браць,
Штопъ святѣго Лазара да ня жывіли,
Палягчѣння души й цѣла ня давали.
Јаъ пачаў святы Лазаръ малитвы тварыць,
Госпада Бога миласьци прасиць:
— Ой, Госпадзѣ Божа прамиласьливы,
Прыми маю душу й цѣло да хвалы Сваѣ,
Ва ўжѣ шъ мая душа й цѣло настрадалася;
Холаду й голаду нацярпѣлася,
Смартѣльныхъ ранаў набалѣлася.—
Отъ саслаў жа Губспадъ два ангалы:

— Ляці́ца, а́нгелы, зъ неба на землю
Па Лазараву душу й на ці́ело яго,
Вазьмі́ца° Лазара памалюсяньку,
Нясі́ца° Лазара пацыхусяньку,
Пасады́ца° Лазара у прасьві́тламъ рай,
У сьвятаго Абрагама на правамъ лані́е.

Ча́сь, ўрэ́мя пагады́ўшы,
Збра́яцца си́льны багачъ за варо́та,
Збра́яцца си́льны багачъ на палава́ння°,
У чыстае поля на пагу́лня°,
Нады́зіу сабі́е шапачку, якъ бі́ель-маці́цъ (перламутр),
Нады́зіу сабі́е су́кеньку, якъ ві́ццаръ шуми́ць,
Припа́су ё́н сабі́е ша́бляжку, якъ агу́о́нь гары́ць,
Якъ выхо́дзи́ць си́льны багачъ прэ́д-за варо́та,
За багачо́мъ—си́лна пяхо́та, пра́красна ро́та.
— Жа́днаго прыпа́дку (случайно́сть) ни́ць на° баю́ся,—
А́дъ ли́хого ча́лаві́ека войскамъ ада́бю́ся,
А́дъ лю́таго зві́ера пса́ми аттра́ю́ся,
Жа́днаго прыпа́дка ни́ць ни баю́ся,—
Я а́гъ сьме́рци злота́мъ а́твуплю́ся.—
Якъ ўсха́дзы́лася зла́я па́хві́ля,
Якъ хва́цила багача на́гла хваро́ба,
Якъ уды́рмла багача а́бъ сыру́ землю́,
Ляжы́ць багачъ гады́ніну, ляжы́ць дру́гую,
На тре́цой гады́ніні ё́нъ Бо́га позна́ў
Ды Го́сподамъ Бо́гамъ назва́ў:
— О́й, Го́спадзы́ Бо́жа пра́мисла́слывы,
Пры́ми маю́ душу й ці́ело да хва́лы Сва́е,
Ба ўжа́ мая́ душа и ці́ело сьпи́ло и зьзі́ело,
У да́рагомъ сады́зя°я́нни наха́дзы́лася,
Зъ ру́бныхъ лю́дзей на́глуми́лася,
Зъ ру́бныхъ лю́дзей на́сьмя°я́лася.—
Отъ, са́слаў жа́ Гаспу́дъ ўсё́ злыхъ-па́кельныхъ:
— Ляці́ца°, па́кельны́я, зъ неба на землю́
Па багачо́ву душу й на ці́ело яго́,
Вы́рваца° ду́шу сь ці́ела пра́зь лі́ево рабро́
И ўки́ньца° багача ў пі́екло на дно!
Плавай, плавай, си́льны багачъ на ўвесь шыро́вой (?),
А ви́дзы́шъ на Бо́га, якъ Бу́о́хъ вы́со́ко.—
Я́щэ си́льны багачъ у пі́еклі на́мно́го па́быва́ў,

Брата свайго Лазара у царствн видау:
— Ой, бра́ца° му́бй, бра́ца°, сьвяты Лазарь,
Адна насъ matka съ табоку радзы́ла
Да на адну долю намъ падавала:—
Табіе, бра́ца°, Бубхъ даў калі́цтво,
А мніе Бубхъ даў, бра́ца°, сільне багацтво,
Ты прасъ сваё калі́цтво ў прасьві́тлумъ рай,
А я прасъ сільне багацтво у пі́еклі ў смаліе,
У старшаго дзявала ў мо́цахъ яго.
Ой, бра́ца° му́бй, бра́ца°, сьвяты Лазарь,
Што я цябе, бра́ца°, буду прасиць,
Ци на му́бгъ бы, бра́ца°, таго ўчы́нць:
Памачы, бра́ца°, мэяны палаць ў Арда́нску воду,
Залей жа на мніе па́кельны агу́бнь,
Штобъ гэтавъ мяне на палі́ў,
Душы й ці́ела гэтавъ на сма́жыў.—
— Ой, бра́ца° му́бй, бра́ца°, сільны, багаты,
Радъ бы табіе, бра́ца°, тоя° учы́нць,
Да баюся Бога, штобъ на ўгна́виць,—
Хоць я табіе, бра́ца°, ўсё мора спу́цу,
То па́кельна агню на ві́екъ на° ўга́шу,
Калі́ ма́яшъ срэ́бро-злото, то атку́пайся,
Да Госпада Бога самъ дасту́пайся.—
На° мно́го сільны багачъ у пі́екла° бываў
Ды Госпада Бога—Бога́мъ называў:
— Ой, Госпа́дзвн Бо́жа пра́миласлівы,
Пусьці мяне, Госпа́дзвн, съ пі́екла на землю́,
То я буду на землі́ жы́вымъ праро́камъ,
Тоя буду праро́баваць—гры́шнымъ людзья́мъ прапа́вѣдаваць,
Нару́бдъ гры́шны буду навуча́ць.—
— Нима ў Мяне на зямлі́ жы́выхъ праро́каў,
Столько ў Мяне на зямлі́ письмо́ сьвятоя°.—
Аминь, аминь таму́ слову! Такъ намъ, Бо́жа, дай,
Калі́ бъ мы пашлі́ усі́е ў прасьві́тлы рай.

Записаць С. Малевич.